

В. И. ДЕГТЯРЕВ

ФОРМИРОВАНИЕ КАТЕГОРИИ ВЕЩЕСТВЕННОСТИ

Формирование категории вещественности в языке связано с развитием абстрактного мышления. Поскольку язык соотносится с действительностью через посредство мыслительной деятельности, грамматические категории формируются в процессе взаимодействия с логическими категориями и определенным образом отражают их содержание. Лексико-грамматические классы собирательных, вещественных и отвлеченных имен существительных в языках разных типов складываются как продукты взаимодействия грамматической категории числа с понятием неисчисляемости. Этот вопрос еще не был предметом специального исследования ни в отечественном, ни в зарубежном языкознании; американская этнолингвистика, подмечая различное отношение наименований веществ к грамматической категории числа в европейских языках сравнительно с так называемыми экзотическими языками коренного населения Америки, приходит к несостоятельному выводу о принципиальных различиях в типах и нормах мышления у разных народов¹. Предлагаемое здесь решение вопроса исходит из иной интерпретации фактов различия в языковом представлении вещества в различных языках.

Имена вещественные обозначают вещество как сплошную, неисчисляемую, хотя и делимую, массу, как такую субстанцию, для которой в языковом выражении не важна количественная определенность. Обобщенное понятие вещества, которому в современных языках обычно соответствуют формы только единственного или только множественного числа, сложилось в процессе длительного развития абстрактного мышления. Очевидно, что обобщенное понятие вещества, подобное современному, было свойственно мышлению индоевропейцев уже в древнейшие из доступных изучению эпохи развития индоевропейских языков. Об этом свидетельствует тот факт, что объектные значения имен вещественных четко дифференцируются специальными надежными формами в хеттском, санскрите, древнегреческом, латинском и славянском языках. В позиции синтаксического объекта имя вещественное получает форму винительного падежа, если оно обозначает полностью охватываемый действием объект, и форму родительного падежа в партитивном значении. Уже в древнейших индоевропейских письменных языках обобщенное вещественное значение выражается преимущественно формами единственного числа, не образующими форм множественного. Вместе с тем в древних индоевропейских языках, по данным памятников письменности, имена, обозначающие вещества, напитки, продукты, ткани, зерно, материалы, металлы и т. п., почти свободно употребляются в грамматически соотнесенных формах обоих чисел, что является реликтом более древнего состояния. Современным лексикализованным формам множественного числа в древних языках соответствуют грамматические формы множественного, выражающие большую массу

¹ Ср.: Б. У о р ф, Отношение норм поведения и мышления к языку, сб. «Новое в лингвистике», I, М., 1960.

вещества, противопоставляемую объемно ограниченной массе, принимаемой за единицу и обозначаемой единственным числом.

В славянской письменности устойчиво удерживаются необычные с точки зрения современной языковой нормы случаи употребления имен вещественных в соотнесенных формах единственного и множественного числа. В древнейших переводных славянских текстах в соответствии с греческими оригиналами в формах обобщ. чисел употребляются существительные *кода* и *крѣка*. Мн. *кода* выражает распространенную на большом пространстве или находящуюся в движении массу воды: «Поѡмѣтъ отъ кода многа» (Син. пс. 19а; греч. ὕδατων); «Глѣ на кодахъ» (там же, 33 б); «Ез потоупѣ кода многа» (там же, 38 а); «Изѣаки отъ глѣбокихъ кода» (там же, 83 а; греч. τῶν ὑδάτων); «Гзвирани јѣко кз мѣхъ кода» (там же, 39 б; греч. ὕδατα); «И искыпѣ множество кода многа» (Супр. р. 118); «Рѣбы изнесоша кода» (там же, 114); «И пиша народи и насытиша сѧ кода» (там же, 150); «Паницѣ великѣ дѣждзнымъ кодамъ и чоуднѣ и много можштѣ камѣнѣти кода сѣтери» (там же, 142 об.) и мн. др.

Аналогичные факты многочисленны в старославянских памятниках, отражающих чехо-моравские, сербскохорватские, восточноболгарские и восточнославянские языковые черты, в оригинальных произведениях древнерусской литературы. Показательны примеры из «Хождения игумена Даниила»: «Посреде его [камня] воды въ немь многи» (13). «Наполняется езеро... водѣ многѣ» (52) и т. д. В летописях формы мн. числа употребляются рядом с формами ед. числа: «И бѣту вода горка... и вложи е [древо. — В. Д.] Моисии въ воду и ослاديшася воды» (ЛН I, Ком. сп., 54); в Лавр. сп.: «оусладишася воды». Показательно, что в Троицком списке XVI в. форма мн. числа вытеснена формой ед. числа. Этот, как и другие подобные факты, свидетельствует о том, что в среднерусском языке употребление данного слова в грамматически соотнесенных формах числа стало невозможным в силу изменившегося характера осмысления вещества.

В древнейших текстах форма ед. числа выражает пространственно или количественно ограниченную, видимую массу воды, которой во мн. числе противостоит вся ее совокупность как необозримо большое количество. Форма мн. числа выражает в этом случае дистрибутивно-количественное или дискретно-количественное отношение и грамматически соотносительна с формой ед. числа. Значение, противопоставляющее массу единице вещества, по существу не отличается от предметного противопоставления типа *стол — столы* и является, несомненно, древнейшим значением форм числа. В древнеславянских переводных и оригинальных текстах ед. число слова *крѣка* выражает общее понятие крови и вполне конкретное ее количество — «кровь, пролитую одним человеком». В последнем случае слово нормально образует форму мн. числа — «кровь, пролитая многими; кровопролитие». Ср.: «Рѣцѣ свои оумѣетъ во крѣви грѣшника» (Син. пс., 71 б), но: «Пролиша крѣки ихъ тѣко кождѣ окрѣтѣ Нѣлѣма» (там же, 106 а); (ср. в списках: *крѣка* Бог., *крѣка* Бол., *крѣка* Чуд.); «И оубѣдена выстѣ землѣ крѣками» (там же, 140 а; греч. ἐν τοῖς αἵματι). Ср.: «И оскверниша кровью земля Руска» (ПВЛ, Л. сп., 25); «Многы крови проливахуся межѣ ими» (ЛЛ, 116 об.); «Мѣнѣи проляша крови своя..., князь проля кровь свою» (ЛЛ, 68 об.). Показательно, что в более поздних списках старославянских древнерусских памятников формы мн. числа последовательно заменены формами ед. числа. Ср. последний пример в сп. РА: «Кровь свою проляли». Употребление формы мн. числа в значении логического множества, несомненно, является древнейшим. Позже грамматическая форма мн. числа лексикализуется в новом значении или получает экспрессивно-усилительный оттенок: «Поля... кровью полианы»

(«Задонщина»); «Крови своя излить за тебя желают» (Апраксин — Петру I). Жидкости в состоянии движения, распространения, выделения и т. п. обозначались формами мн. числа имен вещественных (множественное интенсивное): «И пѣны тѣхъ гитъ» (Мар. ев. 18); «гъ пѣнами» (Савв. кн., Лк. IX, 55); «Боги каажныя претвораетъ» (Шестоднев) и т. п.

Характерное соотношение форм числа, обусловленное спецификой предметно-логического содержания, обнаруживают некоторые древнейшие названия напитков; ср.: «Вынесоша ему брашно и вино» (ПВЛ, Л. сп., 15), но «Приде Олегъ къ Киеву, неся... вина» (там же, Ип. сп., 12); «Квась возити по городу» (там же, Л. сп., 6504 г.), но: «Квасы возити по градомъ» (там же, Ип. сп., 47); «Да пристроите меды многи» (там же, Л. сп., 15 об.), «Съвезоша меды многи» (там же, 16) и т. д. Контекст показывает, что в форме мн. числа выражено понятие о множестве сосудов с напитком или о множестве провар меду, словом, об объемно ограниченных массах вещества. Показательно, что в более поздних списках летописи мн. число последовательно заменено ед. числом: «Свезоша медъ многъ зѣло» (ЛНП, Ком. сп., 33 об.).

В последующие эпохи развития русского языка наряду с обобщенным понятием вещества, выражаемым грамматически не соотносительными формами ед. или мн. числа, т. е. формами *singularia* или *pluralia tantum*, возможно условное употребление имен вещественных конкретно-предметного значения в грамматических формах обоих чисел. В таком случае имя вещественное может сочетаться с количественным числительным: «Варять пивъ зимѣ 12» (Зап. о ржев. дан. п. 1479 г., С II, стр. 1338); «Шесть медов прогостъ, да два вина... ино два пива» (Домострой). Ср. современное: *Дайте два пива*. По-видимому, такое употребление имен вещественных не только в современном, но и в древнерусском языке было ограничено бытовой сферой разговорной речи. В дальнейшем формы мн. числа с различными конкретно-предметными значениями стали основой лексикализации мн. числа в значении многосортности, разнообразия видов веществ и т. д. Таким образом, множественное сортираличительное исторически восходит к дистрибутивным значениям мн. числа имен вещественных.

Противопоставление единицы множеству — древнейшее, но не единственное значение грамматически соотносительных форм числа. Имена вещественные получают формы мн. числа также в тех случаях, когда они обозначают вещество, мыслимое предметно, объемно или объектно ограничено, неотделимо от реальных форм его непосредственного восприятия. В предметно-логическом содержании древнейших имен вещественных выражено созерцательное осмысление веществ. В семантической эволюции имен вещественных получает подтверждение известная формула В. И. Ленина: «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности»². От созерцательного, конкретно-предметного представления вещества к обобщенному и абстрактному! — таков путь формирования и развития категории вещественности.

Мн. коды в славянской письменности, как и в древнегреческом, древнеиндийском, латинском и других языках, отражая созерцательное осмысление вещества, выражает: а) значения движущейся массы воды — «река; источник; море; волны»; б) водного пространства. В старославянском языке кода — синоним слову рѣка; ср.: «Телега... ношаахъ сѣкозѣ коджъ» (Супр. р. 34) — «Ношаахъ сѣ сѣкозѣ рѣкѣ» (там же). В указанных значениях слово отмечено в древнерусских текстах: «Твердь... посреда водъ» (ПВЛ, Ип. сп.); «Разделишася воды» (там же, Л. сп., 28 об.); «Земля на во-

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., 29, стр. 152—153.

дахъ положена» (там же, 79 об.). В актовом языке XV—XVI вв. — в значении «угодья, владения»: «Позабирали земли и воды наши» (Посол. литов. к в. кн. Ив. Вас. 1494 г., С II, стр. 383).

Дистрибутивное значение мн. числа реализовано в примерах: «Пороси поля прикрывають» («Слово о полку Игореве»); «На пѣсцѣхъ бяхуться» (ЛНІ, 156 об.). Ср. в среднерусской письменности: «И всѣхъ песковъ по луговой стороне... 94 песка» (АГРІ, Пр. гр. 1628 г.).

Существительные, называющие злаки, произрастания, в древнерусском языке употребляли в формах обоих чисел в значении «поля; посевы; луга» и т. п.: «Верши все добрыи» (НБГ № 195); «Жита попасоша» (ПВЛ, Л. сп., 103), «Наидоша дъждеве и поимаша вси рли, и обилия, и стѣна» (ЛНІ, Син. сп., 132); «Ржеи не сѣяли» (Устюж. лет. св., 277 об.). Ср. примеры, в которых *стѣно* и *луг* синонимичны: «Ни стѣнъ моихъ не косятъ» (Жал. гр. в. кн. Вас. Вас. 1453 г., АСВРІ, стр. 172) — «Ни лугов моихъ не косятъ» (Жал. гр. в. кн. Мар. Яр. 1453 г., там же, стр. 174). Мн. *сѣна*, *ржи*, *овсы* и т. п. — семантизированные формы мн. числа, первоначально имевшие значение простой разделительной множественности — «стебли растения». Это подтверждается семантической историей наименований злаков в литовском языке, употребляемых преимущественно во мн. числе: мн. *kviėčiai* «зерно пшеницы» — ед. *kviėtis* «одно зернышко; стебель пшеницы»; мн. *āvižos* «овес» — ед. *avižà* «одно зернышко; стебель овса»; мн. *miėžiai* «ячмень» — ед. *miėžis* «ячменное зернышко» и т. п. Показательны также примеры, извлеченные из произведений И. А. Бунина: «За Ровным дорога пошла среди сплошных ржей, опять тощих, слабых, переполненных васильками»; «Бледное, металлически-зеленое поле овсов мелькнуло...»; «Увидали мы в высоких мокрых ржах высокую и престранную фигуру...»; «Ржи были высоки... Выметались и тускло серебрились тучные, глянцевиные стеблем овсы».

В среднерусском языке происходят процессы семантизации форм мн. числа вещественных имен в значении неоднократного повторения действия, связанного с данным напитком. Мн. *кваси* отрывается от ед. *квас* в новом значении «попойка» («Кваси, и пирове, и вечера» Марг. 1530 г., С I, стр. 1203), мн. *пива* — от ед. *пиво* в значении «период пивоварения и угощения новым пивом»: «По пивом у них... не ездят» (Жал. гр. в. кн. Ив. Вас. 1467—1474 гг., АСВРІ, стр. 261). Эти значения мн. числа широко поддерживались отвлеченными *pluralia tantum* — названиями торжеств, праздников, обрядов, действий, состояний и т. п., которые, как известно, весьма многочисленны в славянских и балтийских языках.

Еще более последовательно и устойчиво употребляются в предметном значении славянские наименования твердых веществ. Многочисленные факты убедительно свидетельствуют о том, что названия продуктов, материалов, тканей по общим семантико-грамматическим значениям не отличались от конкретно-предметных существительных. В древнейших славянских источниках, оригинальных и переводных, во мн. числе в вещественно-собирающем значении употребляется слово *маса*, подобно греч. мн. *κρέα* и лат. мн. *carnes* «куски мяса; плоть»: «Мас не ядуше» (ПВЛ, Л. сп., 5 об.); «Ни маса варя» (там же, 19); «И медоу и маса въздържаше са» (Изб. 1076 г., 219 об.); «О неяденьи мясь» (ЛНІ, 27); «И похвати быка рукою за бокъ и выня кожу съ мясы» (ПВЛ, Л. сп., 42 об.). Только во мн. числе отмечено слово в древнейших русских летописях — Повести временных лет, Новгородской I по Син. сп. и Лаврентьевской. В Ипатьевской летописи формы мн. числа последовательно употребляются в статьях только до середины XIII в., позже отмечены лишь формы ед. числа. В «Русской правде» по Кормчей 1282 г. отмечены обе формы: «за мяса и за рыбы» (265 об.); «А мясо дати овенъ или полътъ» (621 об.). В ед. числе

выражено предметное понятие — «туша барана или часть ее». В старославянской письменности XI в. слово употребляется почти исключительно во мн. числе: «Има мага мнѣча» (Син. пс., 63 б); «Баса насытатъ мага» (Супр. р., 10). Для семантической характеристики формы показателен пример, в котором форма мн. числа сочетается с числительным: «Дѣѣма сѣто мага ребранѣ кѣ хѣтѣ не докаѣтъѣ имѣ» (Остр. ев., 49, 34 об.). Вещественно-собирательное значение мн. мага сложилось на базе логического множественного, которое первоначально было противопоставлено единственному, обозначавшему единицу, часть вещества как предмет счета. Дальнейшие семантические изменения (изменения в предметно-логическом содержании) и утрата грамматической соотнесенности форм числа связаны с формированием обобщенного понятия вещества и категории вещественности.

Иные славянские наименования твердых веществ свободно употребляются в грамматически соотнесенных формах числа, выражающих количественные отношения единичности — множественности однородных предметов.

Сырѣ «головка сыра»; ст.-слав. мадаѣ сыры (Супр. р., XX, 12). В предметном значении это слово прослеживается в русской актовой письменности с древнейшей поры до XVIII в.: «Два сыра» (Новг. гр. 1437—1462 гг.); «Сыры сметанные сухие» (Домострой).

Хлѣбѣ получило предметное значение на основе значения «кусок пищи» → «кусок хлеба» → «хлебное изделие». Примеры: «Дажда ми г · хлѣба» (Савв. кн., 66 об.); «Прѣломѣ даѣта оученикомѣ хлѣба» (Остр. ев., 70). Ср. др.-русск.: «Ядохомъ... хлѣбы до сыти» (ЛНІ, Ком. сп., 54).

Сало в староукраинском употреблялось в предметном значении: «Салѣ семь» (Гр. 1618 г.); «Два сала» (Гр. 1596 г.).

Из названий металлов лишь существительное желѣзо последовательно употребляется в формах обоих чисел: «И желѣза скокраѣ маѣчаниѣ жѣга тѣкоѣ сѣдаѣца» (Супр. р., 60 об.); «Возложиѣ на нѣ желѣза горяча» (ПВЛ, Л. сп., 42 об.); «Врата извну желѣзы покована была твердо» (Дан. иг. Житие, 16). В русском языке XI—XVII вв. слово желѣзо употребляется в предметных значениях: «кусок железа; прут; орудие; оружие; цепь; оковы», свободно образуя формы мн. числа: «Потвержаеми многими желѣзы» (ЛЛ, 135 об.); «Спадоша желѣза с нихъ» (Жит. Бор. и Гл., 41). Ср. ст.-укр.: «Вси железа млыновые побрали» (Гр. 1563 г.); «Желѣза плуговых двое» (Кн. Луцк. 1619 г.); ср.-болг. «Желѣзы стружема» (Синаксарь 1330 г., 258 об.).

Наименования тканей в старшую эпоху развития славянских языков выражали предметные понятия «кусок ткани; одеяние» и употреблялись в формах обоих чисел, ср. формы мн. ч.: «Присла... оксамоты и паволокы» (ЛЛ, 186 об.); «Вельблужями же сырѣстыми тканями... одѣнѣ». (Изб. XIII в. С III, стр. 384); «Въ пепелѣ и въ яризѣхъ» (Гр. Наз. XI в., С III, стр. 1659); «Соукны и власяницами одѣватися» (Георг. Амарг., 155, С III, стр. 615); «Рогозинами покрываються» (Златостр., 8, С III, стр. 130); «Не видах, столько народа во овчих шерстьех» (МЛС XV в., 344). В среднерусской деловой письменности многочисленные наименования тканей (оксамит, оловир, паволока, фюфудья, вотола, килик, полотно, синета, сукно, ярит, алача, алтабас, байберек, арань, бархат, бахта, борлот, буазин, бурметь, бязь, выбойка, гарус, изорбаф, венденъ, зуфь, камка, киндяк, крашенина, кумак, кутня, мухоярь, обьярь, отлас, парча и т. д.) прочно удерживали наряду с обобщенным вещественным также и предметные значения «отрез, кусок ткани; одеяние» и в этих значениях свободно образовывали форму мн. числа.

Многочисленные факты древнеславянских памятников письменности, которые легко умножить, позволяют предполагать, что в глубокой древ-

ности вещества воспринимались и мыслились как предметы — объектно ограничено, неотделимо от форм их непосредственного восприятия. В соответствии с этим называющие их имена существительные в древнеславянской письменности употребляются в грамматически соотнесенных формах ед. и мн. числа. Формирование обобщенного понятия вещества в процессе развития мышления и языка ведет к четкому нормированию формообразования имен вещественных. Формы мн. числа утрачивают грамматическую соотнесенность с формами ед. числа, за которыми закрепляется собственно вещественное значение, и лексикализуются. Таким образом обособились в качестве лексико-грамматических вариантов формы мн. числа в значении многосортности, разнообразия видов веществ и т. д.

Знакомство с фактами других древних индоевропейских языков показывает, что употребление имен вещественных во мн. числе отнюдь не составляет исключительного свойства славянских языков старшей поры. По данным сравнительно-исторического языкознания, в санскрите, древнегреческом, латинском языках мн. число наряду с ед. числом засвидетельствовано у наименований жидкостей, продуктов (мяса, сала, жира, молока, меда, шива, зерна, муки), материалов, металлов и т. д.³ В. И. Шерцль приводит убедительные факты из «Вед»: мн. *māṣani* «мясо; плоть»; мн. *ṣonitāni* «кровь», мн. *vāṅīni* «вода», мн. *madhūni* «мед» и т. д.⁴

Обширный материал в древнегреческой поэзии собрал К. Витте⁵. Однако он связывает колебания форм числа, как и его предшественники Кёне, Хултгрэн, Аппель, Келлер, Маас и другие, с метрикой, ритмо-мелодическими свойствами античного стиха. Исследования сторонников «метрической» точки зрения показывают, что формальные свойства стиха определенным образом влияли на формообразование существительных, особенно в латинской поэзии⁶, однако формальному фактору нельзя придавать исключительного значения, поскольку колебания форм наблюдаются не только в поэзии, но и в прозе. Отмеченные в прозе формы мн. числа, в отличие от «поэтических», не равнозначны формам ед. числа⁷.

В римской поэзии, сформировавшейся под определяющим влиянием древнегреческих поэтических стилей, формы мн. числа имен вещественных используются как выразительное стилистическое средство. Формы поэтического мн. числа не тождественны в семантическом отношении формам ед. числа, выражающим обобщенное понятие вещества. Примеры (из «Метаморфоз» Овидия): «Imoque reconditus antro Fletibus augeat aquas» (II, 582) «Напротив скрытый в гроте [Инах] слезами множит воды»; «Iubet ire ministros, Et petere ævivi libandas fontibus undas» (III, 27) «Приказывает слугам принести вод из стремительных источников для возлияния»; «Non aliter, quam cum vitato fistula plumbo scinditur, tenues stridente foramine longè Ejaculatur aquas» (IV, 122—124) «Так же, когда лопаается водопроводная труба с поврежденным свинцом, из шипящего отверстия разбрасываются во все стороны тонкие воды»; «Post hæc caelatus eodem sistitur argento crater fabricataque fago Pocūla, quæ cava sunt, flaventibus illita ceris» (VIII, 663—665) «Потом ставится того же „серебра“ [из глины] чаша и буковые бокалы, изнутри намазанные золотящимися восками»; «Stillataque sole rigescunt De ramis electra novis» (II, 364—365)

³ B. Delbrück, Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen, Tl. I, Strassburg, 1893, стр. 147—172.

⁴ В. И. Шерцль, Синтаксис древнеиндийского языка, Харьков, 1883, стр. 7.

⁵ K. Witte, Singular und Plural. Forschungen über Form und Geschichte der griechischen Poesie, Leipzig, 1907.

⁶ P. Maas, Studien zum poetischen Plural bei den Römern, «Archiv für lateinische Lexikographie», 12, Leipzig, 1902.

⁷ G. Landgraf, Bemerkungen zum sog. poetischen Plural in der lateinischen Prosa, «Archiv für lateinische Lexikographie», 14, Leipzig, 1906.

«И сочась по каплям, твердеют от солнца на молоденьких ветках янтари»; «*Videt intus edentem vipereas carnes*» (II, 769) «Видит внутри пожирающую гадючьи мяса». Примеры подобного рода можно продолжать.

Формы мн. числа в античной поэзии употребляются как характерное стилистическое средство поэтического выражения. Но стилистическая функция является производной, вторичной функцией числа. К тому же не всякое употребление мн. числа дает *pluralis poeticus*. Фр. Нойе отмечает *pluralia* типа *rores* «роса», *farra* «вид пшеницы», *ordea* «зерна», *paravera* «маки», *mella* «куски меда», *sales* «крупинки соли», *cerae* «куски воска», *farinae* «мука», *lanae* «хлопья шерсти», *pulveres* «пыль», *harenae* «песок» и т. д., выражающие количественные отношения множественного⁶. Древнегреческие и латинские названия металлов также употребляются в предметном значении («украшения», «орудия», «деньги» и т. п.) и в этих значениях образуют формы мн. числа: греч. ἄργυρος «серебро; серебряная монета» — мн. ἄργυρια «деньги»; лат. *aes* «медь; изделие из меди» — мн. *aera rotunda* «литавры» (буквально: «круглые меди»).

Приведенные факты отражают тот период в развитии языков, когда обобщенное понятие вещества уже сложилось, а необычные с точки зрения современной языковой нормы случаи образования форм мн. числа представляют собой реликтовые явления, сохранившиеся в силу устойчивости языковых систем. Этих фактов, очевидно, достаточно, чтобы заключить, что само предметно-логическое содержание имен, эквивалентных современным названиям веществ, в древнейшие эпохи развития индоевропейских языков не препятствовало образованию грамматических форм обоих чисел. Однако с большей определенностью судить о характере древнейших понятий веществ можно лишь по данным тех языков, носители которых в силу определенных неблагоприятных условий остались или продолжительное время оставались на сравнительно низкой ступени общественного, умственного и культурного развития. Следовательно, необходимо обратиться к данным типологических исследований.

Для сопоставления разноструктурных языков имеются реальные основания, особенно при изучении логико-грамматических явлений, поскольку тип мышления у людей независимо от уровня их общественного развития одинаков. Бесписьменные и младописьменные языки, действительно, дают весьма интересные факты для характеристики вещественных понятий. Например, в языке хопи, по наблюдениям Б. Уорфа, вообще нет имен вещественных как особого, отличного от предметных по характеру логического содержания и грамматическим свойствам, класса существительных⁷. Эквиваленты европейских имен вещественных в хопи подобно конкретно-предметным обозначают предметы и образуют формы обоих чисел. Судя по всему, индейцы хопи мыслят вещества по типу предметов как объектно ограниченные субстанции. Например, слово *ka-yi* обозначает небольшое количество воды (стакан), идея объема выражена не специальным названием сосуда, как в русском (*стакан воды*), а дана в семантике вещественного имени. Для выражения понятия большого количества воды имеется специальное слово *pa-ha*. Эти и подобные им факты, приводимые Уорфом, представляют несомненный интерес и для лингвиста, и для этнолога. Однако, вопреки Уорфу, из сопоставления их с данными индоевропейских языков не следует, что существуют принципиальные различия в способах мыслительного отражения, в нормах и типе мышления европейцев и хопи при существенном различии в уровнях их мыслительного развития. Относительно свободное употребление имен вещественных в формах мн. числа в древних индоевропейских языках убедительно свидетельствует

⁶ Fr. Neue, *Formenlehre der lateinischen Sprache*, I, Leipzig, 1902.

⁷ Б. Уорф, указ. соч., стр. 145.

о том, что современному обобщенному понятию вещества в древнейшие эпохи развития языка и мышления индоевропейцев предшествовало конкретно-предметное осмысление его, при котором вещество мыслится объектно ограничено и не отличается от предмета.

В современных развивающихся языках явления, подобные языку хопи, весьма редки, но в силу большой устойчивости языковых систем в некоторых младописьменных языках они удерживаются. В нивхском, например, вещественные имена образуют грамматически соотносительные формы числа. Формы мн. числа указывают не только на разнообразие сортов или видов вещества, но также и на то, что «данное вещество заключено в нескольких сосудах, или на то, что имеется его несколько кусков, или, накопец, на несколько объектов, состоящих из данного вещества»¹⁰. Например: *Тыр т'хын сетаг'у нундъ* «На столе лежат куски сахара» (буквально: «сахары»); *Чажку ырк кын'дъ* «Воды замерзли» (в нескольких реках, озерах и т. п.); *Иф ршан'га айску йивдъ* «У него есть много (кусков) золота». Ср. в сочетаниях с числительными: *выть няйр* «одно железо», *выть мяйр* «два железа» (в предметном значении) и т. п. Типологически сходны с нивхским значения форм мн. числа, также образуемые почти свободно, в корякском, чукотском, ительменском. Причем в корякском и эскимосском языках вещественные имена в предметных значениях образуют также и формы дв. числа. Равным образом в ненецком языке вещественные имена выражают конкретно-предметные понятия и свободно образуют формы мн. числа: *еся* «железо» — мн. *еся*¹¹ «железные предметы», *солат* «золото» — мн. *солат*'' «золотые предметы», *нгамза* «мясо» — мн. *нгамза*'' «мяса», *малака* «молоко» — мн. *малака*'' «молоко многих животных», *вэя* «кровь» — мн. *вэя*'' «кровь». По наблюдениям Н. М. Терещенко, имена вещественные получают форму мн. числа в соответствии с количественным значением определения к нему, выражающего принадлежность, отношение признака к предмету¹². Понятие «молоко или мясо одного животного» выражается ед. числом, а понятие «молоко или мясо многих животных» — мн. числом. Ср.: *Ты' нгамзада нго'' сава* «у оленя мясо хорошее», но: *Ты'' нгамзидо' (мн.) нго'' сава''* «у оленей мясо хорошее».

В ненецком языке формы мн. числа имен, обозначающих вещества, синтагматически обусловлены структурно-грамматическими связями в предложении и стали, очевидно, структурно-типологической чертой его формальной организации, но генетически они связаны с конкретно-предметным характером осмысления вещества. В силу системного характера языка формы мн. числа как структурно-типологическая черта формально-грамматического расчленения предложения могут сохраняться и в том случае, если носители данного языка мыслят вещество обобщенно. Это обстоятельство убедительно свидетельствует о том, что язык и мышление, при диалектической связи и взаимодействии, нетождественны и специфичны: единообразные явления сферы мышления могут и не находить столь же однообразного выражения в языковых формах. Вместе с тем особенности формообразования имен вещественных в разноструктурных языках позволяют сделать определенные выводы относительно того, как в процессе развития отвлеченного мышления, формирования и развития обобщенного понятия вещества складываются в различных языках лексико-грамматические классы имен вещественных, что представляют

¹⁰ В. Э. П а н ф и л о в, Грамматическое число существительных в нивхском языке, «Докл. и сообщ. [Ин-та языкознания АН СССР]», 1958, 11, стр. 55—56.

¹¹ Апостроф ' обозначает звонкий гортанный смычный, апостроф '' — глухой гортанный смычный (показатель мн. ч.). Примеры и транскрипция Н. М. Терещенко.

¹² Н. М. Т е р е щ е н к о, Материалы и исследования по языку ненцев, М.—Л., 1956, стр. 41—42.

эти имена в грамматическом отношении на различных хронологических срезах языкового развития. Различные в структурном отношении языки обнаруживают в общем сходные черты, отражающие процессы взаимодействия мыслительных и языковых явлений. Факты позволяют предположить для древнейших эпох развития мышления и языков особый, сходный у разных народов, способ представления вещества, отличный от современных вещественных понятий. Анализ форм числа имен существительных, эквивалентных современным именам вещественным, свидетельствует о том, что первоначально вещества мыслились предметно, объектно ограничено, неотделимо от форм непосредственного восприятия их в действительности. Этот вывод согласуется с тем, что мышлению древних народов в большей степени свойственны образность и конкретность, его отличает слабая дифференцированность представлений и сравнительно невысокий уровень абстракций и обобщений. Вещественность как обобщенное понятие вещества складывается исторически на базе конкретной предметности, на основе понятия о предмете или явлении, мыслимых конкретно. Первоначальные значения имен вещественных «аморфны», в их предметно-логическом содержании не разграничены четко вещественность и предметность. Именно этим в первую очередь объясняется более свободное употребление форм мн. числа имен вещественных, грамматически соотнесенных с формами ед. числа, в древних индоевропейских языках сравнительно с современными. Соответствующие факты сохранились в письменности как отражение древнейшего состояния языков и мышления.

Из сказанного следуют выводы:

1. Лексико-грамматическая категория вещественности формируется в недрах категории предметности. Первоначально конкретно-предметное осмысление вещества в процессе развития абстрактного мышления эволюционирует в отвлеченные логические формы обобщенных вещественных понятий.

2. Различия в предметно-логических содержаниях имен вещественных индоевропейских языков, с одной стороны, и так называемых экзотических языков, с другой, вовсе не свидетельствуют о принципиальных различиях в типах мышления народов. Они отражают лишь различные уровни мыслительного развития — в одних случаях, а в других — свидетельствуют о структурном своеобразии языковых систем, многообразии способов языкового выражения мысли.
